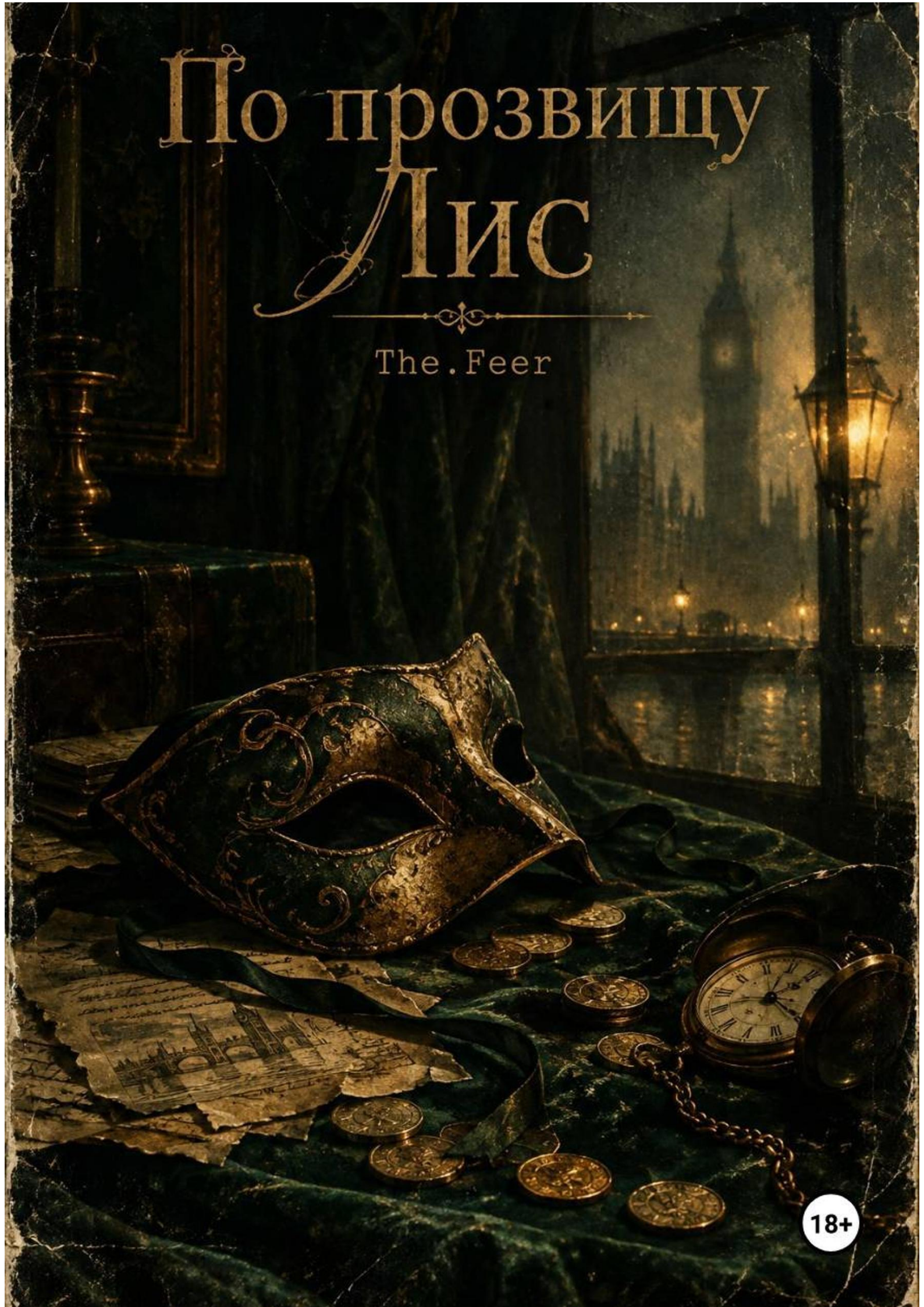

По прозвищу Лис

The.Feer

18+

The.Feer

По кличке Лис

«Автор»

2026

The.Feer

По кличке Лис / The.Feer — «Автор», 2026

Лондон, конец века. Джаспер Вейл по прозвищу Лис - контрабандист, для которого нет ни одной сделки, которую нельзя обмануть дважды. Он берёт деньги вперёд, устраивает клиентам показательный провал и присваивает товар себе, чтобы продать втрое дороже. Пока не встречается женщину, которая учится его ремеслу быстрее, чем он успевает заметить.

Содержание

Куш первый. Дым	5
Куш второй. Маска графа	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

The.Feer

По кличке Лис

Куш первый. Дым

В восемьдесят девятом году в порту торговали всем, что горит, вдыхается или колется, и опиумная смола была королём этого рынка задолго до того, как о ней заговорили в парламенте с притворным ужасом. Ко мне обратился человек по фамилии Крэббе - не то бывший армейский интендант, не то беглый банковский клерк, я так и не выяснил, - с грузом в три сотни фунтов смолы, застрявшим на таможенном складе под надзором чиновника, слишком честного для своего жалованья.

- Мне сказали, вы умеете разговаривать с таможенной на её языке, - сказал Крэббе, кладя на стол задаток размером с мой полугодовой доход от честной работы, если бы таковая у меня была. Руки у него дрожали - не от страха, как я решил вначале, а от того особого нетерпения, что охватывает людей, впервые ступивших на скользкую дорожку и уже предвкушающих, куда она их приведёт.

- Я умею разговаривать со всеми на их языке, - ответил я. - Это редкий дар, мистер Крэббе, и потому дорогой.

- Меня заверили, что вы человек слова, - сказал он.

- Моё слово, - ответил я с полной серьёзностью, - дороже золота, которое вы мне сейчас платите. Именно поэтому я беру его вперёд.

Он рассмеялся этой шутке, приняв её за шутку, и я не стал его разубеждать.

Механика дела была такова. Мой добрый знакомый, таможенный чиновник по фамилии Пиви, - маленький, сутулый человек с вечно красными от недосыпа глазами, - годами закрывал глаза на определённые ящики за определённую плату. Но простое закрытие глаз меня в этом деле не устраивало: слишком много ящиков, слишком заметная сумма, слишком велик был соблазн оставить всё себе, минуя Крэббе целиком. Мне требовался провал - убедительный, задокументированный, такой, чтобы ни у кого, включая самого Крэббе, не возникло сомнений в том, что груз погиб не по моей вине.

- Триста фунтов смолы, двадцать ящиков, - сказал я Пиви за кружкой. - Я предлагаю вам не закрывать глаза, а открыть их пошире - ровно на два ящика из двадцати. Устройте показательную конфискацию: составьте протокол, вызовите начальство, пусть напишут в газету. А мне вы позволите тихо забрать остальные восемнадцать, для чего заранее перепишите накладную так, будто весь груз состоял именно из этих двух ящиков, а прочее значилось порожней тарой.

Тонкость была в самой накладной: таможенный список составлялся по счёту ящиков, а не по их весу, и переправить цифру «двадцать» на «два» в ведомости, которую Пиви и без того обязан был вести и переписывать набело раз в неделю, стоило ему одного лишнего часа за конторкой и нескольких капель чернил, зато избавляло нас обоих от необходимости объяснять, куда делся груз, отсутствующий по документам, но существующий в реальности. Пиви, надо отдать ему должное, задумался не над моралью, а над арифметикой, что роднило нас больше, чем ему хотелось бы признавать. Он взвесил риск потерять место против суммы, способной прокормить его пятерых детей два года, и кивнул. Я, со своей стороны, взвесил риск того, что Пиви однажды продаст меня начальству ради ещё большей суммы, и решил эту проблему заранее -самым простым способом из всех: платил ему не единовременно, а частями, растянутыми на месяцы вперёд, так что предать меня означало для него потерять не только будущий доход, но и уже накопленный остаток, который он мог получить, лишь продолжая молчать.

Так и вышло. Два ящика ушли на казённый склад под протокол и заметку в местной газетёнке о бдительности таможенной службы. Остальные восемнадцать я забрал сам, ночью, переложив содержимое в двойное дно, которое соорудил в паре обычных чайных сундуков: фальшивая перегородка на дюйм выше настоящего дна, сверху - слой чая для запаха и веса, снизу - само богатство. Перевозил я этот груз через полгорода под видом чайного каравана, и единственная остановка вышла у ночного патруля, потребовавшего открыть верхний ящик: я откинул крышку сам, не дожидаясь, пока это сделает патрульный, продемонстрировал чай, получил извинения за беспокойство - и уехал с тем, что действительно лежало ниже.

Восемнадцать ящиков ушли к местному торговцу по имени Ли Фэн, знавшему в порту меня и мою репутацию не хуже, чем я знал его склад за прачечной.

- Вы каждый раз приносите товар, будто он свалился с неба, мистер Вейл, - заметил он, взвешивая на ладони один из свёртков с той же неторопливой точностью, с какой ювелир взвешивает камень.

- Небо тут ни при чём, - ответил я. - Просто некоторые грузы предпочитают путешествовать без лишних вопросов, и я умею убеждать их в этом.

Ли Фэн заплатил втрое больше рыночной цены, потому что покупал не только смолу, но и моё молчание.

Крэббе я нашёл через месяц уже пропившим последний костюм, и дал ему пять фунтов - не из совести, а потому что видеть плоды своей работы полезно для аппетита.

- Не повезло вам, приятель, - сказал я, отсчитывая банкноты.

- Таможня, - пробормотал он. - Кто бы мог подумать, что они вдруг взялись за дело.

- Странные времена, - согласился я и ушёл, довольный собой настолько, что весь вечер провёл в театре.

Именно тогда, в фойе того самого театра, куда я явился в новом фраке, купленном на барыш от опиума, я впервые увидел Аду Мур, хотя тогда она называлась иначе, и я не знал ни её настоящего имени, ни того, что оно вообще у неё есть, ни того, что эта случайная встреча обойдётся мне впоследствии дороже, чем все таможенники и все конфискованные грузы вместе взятые.

Куш второй. Маска графа

Она стояла у колонны в фойе, в платье цвета сливы, и разглядывала публику с тем особым вниманием, с каким ювелир разглядывает камень, прежде чем сказать, стекло это или бриллиант. Я подошёл, потому что не подойти было бы предательством собственного ремесла.

- Вы кого-то оцениваете, - сказал я, - или просто скучаете?

- И то, и другое, - ответила она, не поворачивая головы. - Вон тот, в зелёном жилете, оценивается в сотню годовых и лжёт про свою школу. А вон та дама с бриллиантами - не дама вовсе.

- А я? - спросил я, не в силах удержаться.

Она наконец посмотрела на меня - быстро, оценивающе, с той же ювелирной сосредоточенностью, что и на остальных.

- Вы, - сказала она, - торгуете тем, чего у вас нет, людям, которые не понимают, что покупают. Хорошие ботинки, скверные манжеты, взгляд человека, который слишком долго репетировал скуку. Контрабандист, я полагаю. Или шулер.

Я рассмеялся так искренне, как не смеялся уже год.

- Немного и того, и другого, - признался я. - Джаспер Вейл, к вашим услугам, хотя услуг я не оказываю бесплатно.

- Ада, - сказала она, и фамилию не назвала, из чего я сразу понял, что она занимается тем же ремеслом, что и я, только по другую сторону сцены.

Ада Мур, как я узнал позже, была актрисой, когда роли давали, и мошенницей, когда не давали, - а не давали чаще. Она умела подделать почерк любого судьи и голос любой горничной с равным изяществом, и к тому времени, как мы обменялись третьей фразой в том фойе, я уже понял, что нашёл не любовницу и не сообщницу, а нечто более опасное: равного.

Мы стали работать вместе через месяц, а спать вместе - через неделю после этого, в порядке, который её забавлял больше, чем меня: «Сначала дело, Джаспер, - говорила она. - Постель - это уже баловство, награда за хорошо сделанную работу». Я не спорил. Спорить с Адой было всё равно что спорить с таблицей умножения - можно, но выйдешь в дураках.

Прежде чем браться за первое общее дело, мы неделю готовились порознь, и я узнал тогда, что подготовка у Ады была устроена методичнее, чем у любого сотрудника в конторе. Она узнала распорядок дня прислуги - когда меняется караул у парадной, когда горничные пьют чай на кухне, когда дворецкий обходит комнаты. Я тем временем наводил справки о самом хозяине дома через знакомых по клубам - сколько он должен портному, в каком банке держит счёт, не подозревает ли кого из домашних в мелких кражах, потому что подозрительный хозяин прячет ценности иначе, чем беспечный. Выяснилось, что человек он беспечный: за десять лет ни разу не менял замок сейфа и хранил ключи от дома с той небрежностью, что выдаёт полную уверенность в собственной неприкосновенности.

Первым нашим общим кушем стал приём в богатом доме одного лорда, устроенный в честь помолвки его единственной дочери. Простому контрабандисту вход туда был закрыт наглухо, а вот графу из-за пролива, прибывшему с рекомендательным письмом от иностранного посольства, - раскрыт с поклонами.

Письмо, разумеется, подделала Ада. Почерк секретаря посольства она скопировала по счёту из прачечной, который тот однажды забыл, а мой акцент она репетировала со мной три вечера подряд, безжалостно поправляя каждое неправильно поставленное ударение.

- Вы говорите как трактирщик, - говорила она, - а должны говорить как человек, который трактиров отродясь не видел.

Механика самого дела была устроена в два хода, и каждый требовал своего исполнителя. Мой ход был отвлекающим: я должен был весь вечер оставаться на виду, танцевать, разговари-

вать, смеяться чужим шуткам, чтобы полсотни гостей и вся прислуга могли позже поклясться под присягой, что граф не отлучался из зала дольше, чем на минуту, - а минута не считается отлучкой. Ход Ады был рабочим: она нанялась на этот единственный вечер горничной через контору, поставлявшую временную прислугу на большие приёмы, и под этим прикрытием получила законное право подниматься наверх, в гостевые покои, с полотенцами и грелками, не вызывая ни у кого вопросов.

- Вам кого-то конкретного? - спросил меня лакей у входа, сверяясь со списком приглашённых, куда моё имя, разумеется, вписала загодя сама Ада, подкупив человека, составлявшего список.

- Меня уже ждут, - ответил я с той уверенностью, что действует на швейцаров надёжнее любого документа: усомниться в человеке, который сам не сомневается, решается редкий слуга.

Невеста, ради которой был устроен весь этот праздник, оказалась девушкой лет девятнадцати. Она подошла ко мне сама и спросила, правда ли за границей виноград собирают при свете факелов.

- Правда, - солгал я без малейшего усилия. - Особенно в год хорошего урожая, когда медлить нельзя ни на час.

- Как романтично, - вздохнула она, и я поймал себя на том, что мне почти стыдно обманывать именно её. Стыд, впрочем, длился недолго: я вспомнил про сейф наверху и про Аду, уже, вероятно, склонившуюся над замком.

Замок сейфа она открыла за четыре минуты - не отмычкой, а терпением: хозяин дома, как многие люди при деньгах, хранил комбинацию в собственной памяти лишь номинально, а фактически - в верхнем ящике письменного стола, под стопкой неоплаченных счетов от портного. Такие люди, объяснила мне позже Ада, всегда путают надёжность замка с надёжностью памяти, забывая, что вторая куда слабее первого.

Опасность подкралась не оттуда, откуда мы её ждали. Внизу дворецкий, разносивший напитки, вдруг вспомнил нечто неприятное и направился напрямик к лестнице на второй этаж - туда, где Ада в этот самый момент держала в руках фамильное кольцо. Я извинился перед собеседницей на середине фразы, сославшись на духоту, и последовал за дворецким на почти-тельном расстоянии, лихорадочно соображая, что скажу, если он застанет горничную за хозяйским сейфом.

Дворецкий, однако, свернул не в гостевые покои, а в буфетную - проверить, должно быть, не пропало ли шампанское, - и я, воспользовавшись случайной отсрочкой, проскользнул наверх сам, тихо стукнул условным стуком в дверь и обнаружил Аду уже с кольцом в потайном кармане, невозмутимо перестилающую постель, будто всю жизнь только этим и занималась.

- Ты бледен, Джаспер, - заметила она шёпотом. - Это не идёт графам.

- Дворецкий, - выдохнул я. - Едва не столкнулись.

- Значит, у нас есть ровно столько времени, сколько ему нужно на бутылку шампанского, - сказала она и, поправив последнюю складку на одеяле с невозмутимостью, которой позавидовал бы дипломат, первой выскользнула за дверь.

Настоящее кольцо мы унесли, а на его место в сейфе Ада заранее положила точную копию из парижского стекла, заказанную у мастера, знавшего, что лучше не спрашивать, для чего клиенту нужна подделка чужой фамильной драгоценности. Разница обнаружится, предсказала Ада, не раньше, чем кольцо попадёт к следующему ювелиру для чистки, - то есть месяцы спустя, когда все нити давно остынут.

Мы ушли порознь, как приличные незнакомцы, и встретились через час в условленном месте. Камни мы продали не сразу и не одним куском: по одному-два за раз, с промежутком в несколько недель, разным скупщикам, ни один из которых не заподозрил, что перед ним фамильная драгоценность пэра, распроданная по частям. Такая рассрочка была не капри-

зом, а правилом: единая крупная сделка всегда оставляет след - покупатель начинает задавать вопросы, продавец начинает нервничать, и оба невольно запоминают друг друга в подробностях. Мелкие же сделки растворяются в потоке обычной торговли, и ни один скупщик не свяжет камень, купленный в марте, с камнем, проданным в мае тем же человеком под другим именем и в другом квартале. Цена, которую мы выручили в сумме, вдвое превзошла то, что кольцо стоило бы на честном аукционе, - надбавка за анонимность происхождения, которую охотно платит всякий, кто предпочитает не спрашивать, откуда взялся товар.

- За это я вас и люблю, - сказал я ей в тот вечер, впервые произнеся это слово вслух, и сам удивился тому, как легко оно выговорилось.

- Не любите, - поправила она, не глядя на меня, но улыбаясь. - Вы восхищаетесь моей работой. Это разные вещи, Джаспер, и вам стоит их не путать, если хотите остаться в живых в нашем ремесле.

Позже, много позже, я вспомню эти слова про любовь и восхищение и пойму, что она была права куда точнее, чем я тогда хотел признавать: восхищение я умел выражать безукоризненно, целыми состояниями и рискованными планами, а вот на любовь, как выяснилось, у меня не доставало того единственного, что она требует, - готовности хоть раз в жизни ничего не выгадать взамен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.